

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК
LANGUAGE AND REASONING

А. В. КРАВЧЕНКО

ОТ ЯЗЫКОВОГО МИФА
К БИОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕАЛЬНОСТИ

ПЕРЕОСМЫСЛЯЯ
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 80/81

ББК 81

К 78

Издание осуществлено при финансовой поддержке
*Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»*

Кравченко А. В.

К 78 От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. — 388 с.: ил. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

ISBN 978-5-9551-0633-5

В книге ставится вопрос о необходимости переосмысления традиционных познавательных установок и теоретических положений науки о языке. Такая необходимость вызвана отсутствием четко сформулированного идеального проекта языкознания, в результате чего образовался разрыв между теорией и теми практическими задачами, которые наука о языке призвана решить в первую очередь. Обосновывается необходимость новой эпистемологической платформы, призванной вывести науку о языке из методологического тупика, и намечается путь, по которому уже началось движение биологически ориентированной когнитивной науки.

Для широкого круга лингвистов, филологов, философов и методологов науки.

ББК 81

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

*В оформлении переплета использованы фрагменты
офорта Корнелиса Антониса «Падение Вавилонской башни» (1547 г.)
и рисунка Леонардо да Винчи (1490 г.)*

ISBN 978-5-9551-0633-5

© А. В. Кравченко, 2013

© Издательство «Рукописные памятники
Древней Руси», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение: Выбирая курс 7

ЧАСТЬ 1. УХОДЯ ОТ РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Глава 1. Что и зачем изучает языкознание?

1.1. Наука о языке и ее объект	23
1.1.1. Речь vs. письмо	23
1.1.2. Литературный язык	32
«Нормативность»	38
«Полифункциональность»	40
«Престижность»	44
1.2. Языкознание в теории и на практике	47
1.2.1. Образовательный парадокс	47
1.2.2. Аксиомы ортодоксального языкознания и языковой миф	56
1.2.3. Лингвистический шаманизм	62
1.2.4. Эмпирическая лингвистика	71
1.3. О пользе и вреде традиций	75

Глава 2. Язык и коммуникация

2.1. Постановка вопроса	82
2.2. Язык как «средство коммуникации»	85
2.3. Коммуникация и «обмен информацией»	87
2.4. «Канал связи» и информация	90
2.5. О непрямом характере коммуникации	97
2.6. Подводя итог	104

Глава 3. Компьютерная метафора в лингвистике

3.1. Постулаты когнитивной науки «первого поколения» ..	106
3.2. Методологическая проблема	110
3.3. Онтологическая проблема	112
3.4. Есть ли альтернатива?	120

Глава 4. О репрезентативности языка

4.1. Наследие рационалистического дуализма	125
4.2. Проблема с «контейнерной» метафорой	131
4.3. Что «репрезентируют» языковые знаки?	139
4.3.1. Объективизм	139

4.3.2. Субъективизм	146
4.3.3. Межсубъектность	149
4.4. Грамматика как семиотическая система	151
4.4.1. Несколько «что»-вопросов	151
4.4.2. Письменная языковая предвзятость грамматики ...	155
4.4.3. Грамматика как знаковые отношения	160
4.4.4. Грамматика и когниция	165
Глава 5. Язык, знание и сознание	
5.1. Эпистемологический поворот	170
5.2. О концептах	173
5.2.1. Концепт как «концептуальная» проблема	173
5.2.2. Концепт в биологии познания и языка	182
5.3. Проблема ментальных репрезентаций	186
5.3.1. Рационалистическая традиция	186
5.3.2. Интернализм vs. экстернализм	190
5.3.3. Когнитивная функция репрезентаций	193
5.4. Язык и когнитивная настройка организма	198
ЧАСТЬ 2. ОТ АНАЛИЗА К СИНТЕЗУ	
Глава 6. Холизм как методологический принцип	
6.1. Недостатки аналитизма	205
6.2. На пути к синтетизму	212
6.3. Проблема метода в когнитивной науке.....	222
Глава 7. Биологическая парадигма в науках о языке	
7.1. Биосемиотика	232
7.1.1. Теоретические предпосылки	232
7.1.2. Основные понятия биосемиотики.....	237
7.1.3. Проблема с познавательными установками	245
7.1.4. Почему кодирование нельзя считать семиозисом	250
7.2. Биолингвистика	254
7.2.1. Биолингвистика генеративного толка	254
7.2.2. Биолингвистика функционального толка	258
7.3. Биокультурная теория значения	261
Глава 8. К распределенной модели когниции и языка	
8.1. Проблема с воплощенной когницией	265

8.2. Распределенная когниция	270
8.3. Язык и когнитивные процессы	272
8.4. Новые направления и проблемы	280
Глава 9. Возвращаясь к гипотезе Сепира-Уорфа	
9.1. Языковой детерминизм как проблема	284
9.2. От гипотезы к теории	289
9.2.1. Теория восприятия Матураны	289
9.2.2. Понятие субстрата	293
9.3. Обновленная объективность	299
9.4. Бытие человека и экология языка	302
Глава 10. Язык и общество	
10.1. Научение языку как когнитивный процесс	309
10.2. Когнитивный феномен функциональной неграмотности.....	317
10.2.1. Грамотность как вид знания и текстовое поле языка	317
10.2.2. Ориентирующая функция текстового поля	325
10.2.3. Функция языка в общественном «организме» ...	330
10.3. Изменения в общественном сознании в зеркале языковых изменений	334
10.3.1. Язык «совка»	334
10.3.2. Гибридизация языка: перезагрузка системы ценностных ориентиров?	342
Эпилог: Камо грядеши?	349
Литература	353

ГЛАВА 1

ЧТО И ЗАЧЕМ ИЗУЧАЕТ ЯЗЫКОЗНАНИЕ?

1.1. Наука о языке и ее объект

1.1.1. Речь vs. письмо

Вопрос о том, что изучает языкознание, кажется довольно простым, если не надуманным, и отвечают на него обычно так: «Языкознание изучает язык». Однако, такой ответ на вопрос только кажется самоочевидным, потому что слова, к которым мы привыкли и которыми пользуемся каждый день, имеют тенденцию становиться как бы «незаметными» (в том смысле, что мы над ними не задумываемся, не обращаем на них внимания) — точно так же, как незаметны для нас автоматические движения пальцев, когда мы что-то берем в руки, или работа различных мышц ног при ходьбе или беге.

Говоря о том, что «языкознание изучает язык», мы, как рядовые члены объединенного языком социума, прекрасно понимаем, о чем идет речь; однако, если нас попросить дать определение тому, что мы называем словом *язык*, мы увидим, что сделать это не так-то просто.

С одной стороны, язык — это тот вид деятельности, с помощью которого мы, как принято считать, общаемся с себе подобными. Деятельность эта заключается в том, что люди все время производят различного рода звуки, организованные в разнообразные, но подчиняющиеся определенным правилам последовательности (слова), которые, в свою очередь, образуют более крупные единицы (фразы и высказывания) — также в соответствии с некоторыми общими принципами и закономерностями — и т. д. Воспринимая эти звуки, люди получают возможность ориентироваться в окружающей их среде и строить свое дальнейшее поведение (включая взаимодействие с другими людьми) в соответствии с тем, какое ориентирующее воздействие на них оказали воспринятые ими звуки, или *речь*. (Здесь необходимо подчеркнуть, что, говоря

об ориентирующей функции вербальной коммуникации, я не имею в виду так называемую функцию «передачи значений» или «трансляции смыслов», которую приписывает коммуникации ортодоксальная³ лингвистика, основанная на языковой мифе. О неадекватности ортодоксального взгляда на коммуникацию речь пойдет в следующей главе.)

С другой стороны, ориентирующая функция речи зависит от нашей способности *интерпретировать* воспринимаемые нами последовательности производимых другими людьми звуков, или *знаки*. Эта интерпретация, в свою очередь, зависит от той меры опыта взаимодействий со средой, которой обладает *интерпретатор*, включая опыт взаимодействий с *языковой средой*. Так, одна и та же речь, обращенная к взрослому человеку и к маленькому ребенку, произведет на них разный эффект, который в случае взрослого будет значительно, порой даже несопоставимо выше, чем в случае с маленьким ребенком — и все потому, что несопоставимы объемы опыта, которым располагают взрослый и ребенок.

Та часть продукта интерпретации знака (слова, высказывания), которая в значительной степени совпадает у разных интерпретаторов, называется *значением*. Значение возникает из *совместного опыта* употребления знака в процессе речевой деятельности, оно *социализовано* и потому может быть охарактеризовано как «хранимое значение» (Демьянков 1989: 55). Та часть продукта интерпретации знака, которая носит индивидуальный характер, поскольку обусловлена индивидуальной историей развития этого человека и его уникальным опытом взаимодействий со средой, называется *смыслом*, который «создается в результате понимания» (*там же*). Смыслы всегда лично окрашены. Накопление общего опыта взаимодействий с каким-то смыслом того или иного слова у группы людей превращает его в *стереотип* — прочно сложившееся представление о чем-либо. Так, например, русское слово *бандит* имеет словарное значение «участник банды, вооруженный грабитель». Однако в силу специфики имеющих у них

³ Под ортодоксальной понимается лингвистика, унаследовавшая свои основные познавательные установки от классической аналитической философии и картезианского дуализма, которым противостоит, в частности, биокогнитивная философия языка (Кравченко 2001a; Kravchenko 2008a).

схожего опыта, многие люди сегодня, слыша или употребляя это слово в определенных ситуациях, вкладывают в него смысл «богатый человек, добывший состояние преступным (связанным с насилием и убийством) путем» — и это вовсе не означает, что бандит, в данном случае, сам, вооружившись, совершал или совершает бандитские действия. Здесь мы, конечно же, имеем дело с современным стереотипом бандита.

Итак, *язык* можно определить как *речь*. В этом случае — с точки зрения ортодоксального языкознания — его изучение подразумевает следующие направления:

1. Физические абсолютные и относительные характеристики воспринимаемых звуков речи (*фонетика* и *просодика*).
2. Особенности работы органов речи человека, производящих звуки (*артикуляторная фонетика*).
3. Выявление и идентификация *типов* звуков, характерных для данного языка (*фонология*).
4. Определение и описание допустимых последовательностей звукотипов в данном языке (*фонотактика*).
5. Выявление и инвентаризация минимальных последовательностей звукотипов, обладающих значением (*морфология*).
6. Выявление и описание допустимых в данном языке последовательностей сочетаний морфем в слова и слов в предложении (*синтаксис*). Фонология, морфология и синтаксис вместе образуют *грамматику* языка в широком смысле.

Говоря об ортодоксальном языкознании, я хочу подчеркнуть главный методологический недостаток традиционной научной парадигмы, послуживший основанием для прочного укоренения структурализма в различных его проявлениях как главного метода в исследовании и описании языка. Этот недостаток состоит в том, что акустические явления определенной природы, которые мы привыкли именовать человеческой речью, рассматриваются как дискретные физические сущности (знаки), выделимые из материальной среды и существенным образом от нее не зависящие. Соответственно, значения, присущие этим знакам, также не зависят от физических параметров элементов среды, в которой языковые знаки возникают (порождаются), существуют и исчезают в процессе осуществляемой людьми коммуникации. Однако всем нам хорошо

известно, что речь (вербальная коммуникация) характеризуется большим количеством ситуативных (контекстных) переменных, оказывающих, в конечном итоге, влияние на результат коммуникации как определенного вида совместной деятельности. В ортодоксальном языкознании эти ситуативные переменные рассматриваются как *экстралингвистические факторы*, т. е. как факторы, не входящие собственно в систему языка. При этом не замечается очевидный факт: ведь если функция (языковой) коммуникации состоит в том, чтобы ориентировать ее участников в окружающей (в том числе социо-культурной) среде, но при этом язык противопоставляется этой самой среде как от нее не зависящий и существенным (значимым) образом с ней не связанный, то как, в таком случае, реализуется ориентирующая функция языка? Нельзя не согласиться с идеологом интеграционизма Роем Харрисом, указывающим, что «‘ситуативное’ измерение человеческой коммуникации в истории западной лингвистики... игнорируется самым возмутительным образом» (Harris 2004: 735).

Но вернемся к обозначенным выше направлениям в изучении языка как речи. Не знаю, обратил ли читатель внимание на употребленное мною слово *подразумевает*, но сделано это не случайно. На деле, все перечисленные направления в изучении языка *невозможны*, если в нашем распоряжении имеется только лишь *речь* как чисто акустический (а потому, с точки зрения физики, мимолетный) феномен. Этот факт хорошо иллюстрируется поговоркой: *Слово не воробей, вылетит — не поймаешь*. И потому, чтобы всесторонне и детально изучить воробья, биолог (орнитолог) должен иметь его под рукой, он должен иметь возможность производить над ним опыты вплоть до вскрытия и анатомического препарирования. Но можно ли поймать, рассмотреть и, при необходимости, препарировать звуковое слово, переставшее существовать как физическое явление уже в тот самый момент, когда мы идентифицировали его как слово? Увы, нет. Именно поэтому изучение языка стало возможным, по большому счету, лишь с появлением *письменности*.

Хотя появление письменности (в частности, алфавитного письма) зачастую описывают в терминах *изобретения*, ее возникновение естественным образом связано с эволюционным развитием человека и человеческого общества и направлено на прео-

доление ограничений, накладываемых звуковой субстанцией на разрешающую способность языка как знаковой системы (Кравченко 2001а). Графические знаки (буквы), репрезентирующие звуки естественного языка, явились той субстанцией, манипулируя которой оказалось возможным «поймать вылетевшего воробья» и посадить его в клетку. Это позволило наблюдать за ним, изучая его повадки и делая научные заключения — что и положило начало науке о языке. Не будь графического слова — не было бы языкознания как науки (впрочем, как и всякой другой науки, на что указывал в свое время А. Лавуазье)

Вместе с тем, дав ученому-языковеду возможность наблюдать за собой, так сказать, в «лабораторных» условиях, когда для того, чтобы описать и проанализировать какое-то явление языка, достаточно стало обратиться к одному из огромного количества существующих на этом языке текстов, язык сыграл с учеными злую, хотя и непреднамеренную, шутку: графические репрезентации естественно-языковых знаков стали отождествляться с самими этими знаками, в результате чего произошла *великая подмена научного объекта*.

С тех пор, как после Гутенберга человечество вступило в эру печатного слова, началось интенсивное и с течением времени все более ускоряющееся формирование принципиально новой культурной среды — *текстовой*. Про современного человека можно сказать, что главным условием его выживания и адаптации к среде обитания является умение ориентироваться в бескрайнем текстовом поле языка. Куда бы мы ни повернулись, мы везде сталкиваемся с необходимостью либо прочесть и проинтерпретировать, либо создать (написать) тот или иной текст. Тексты окружают нас повсюду, они вездесущи и всемогущи, поскольку регламентируют практически все стороны человеческой жизнедеятельности в современном обществе. Самое развитие современной цивилизации, индустриального и постиндустриального общества во многом обусловлено тем, что в распоряжении человека оказалось такое великое изобретение, как письмо. Как отмечает К. Ажеж (2003: 70),

изобретение письменности — предприятие, решительным образом повлиявшее на жизнь той части человечества, которая сумела извлечь выгоду из него.

Роль письменности в развитии человеческого общества трудно переоценить (см. Olson 1996), ибо с появлением графического знака стало возможным преодолеть ограниченную разрешающую способность естественно-языкового (звукового) знака, связанную с его конкретно-временной привязкой к действительности (Кравченко 2000). Как только произошел отрыв языкового знака от его онтологического корня (говорящего индивида в его пространстве-времени), развитие человеческого общества вступило в качественно новую фазу, которую можно охарактеризовать как фазу *научного познания мира*. Не будь письменного языка, не было бы никакой другой науки как определенной *системы* знания, обслуживающей потребности человеческого общества и призванной помочь в достижении человеком необходимого экологического равновесия в биосфере. По замечанию М. К. Мамардашвили (1997:145),

[Ч]тобы изучать природу (общество и тому подобное), ее надо сначала в каком-то смысле превратить в язык, в сообщение, адресованное нам на каком-то языке (алфавит которого нам известен...).

Следовательно, познание мира начинается одновременно с познанием языка — сначала звукового, а затем письменного (в тех культурах, где письменный язык существует).

Научное познание — это познание, выходящее за пределы чистой феноменологии, а функционирование естественного языка большей частью носит именно феноменологический характер. В этой связи очень важным представляется понимание того, что естественный (звуковой) и письменный язык есть «отдельные знаковые системы, подлежащие ведению соответственно лингвистики естественного языка и лингвистики письменного языка» (Амирова 1977: 36). Письменный текст лишен протагонистов:

он представляет собой отсроченное изложение событий, и, будучи противоположным тому, что он же и воспроизводит, являет собой мертвый след — диалог на расстоянии, когда уста, уши и глаза более не воспринимают друг друга (Ажеж 2003: 71).

Однако исторически так сложилось, что языкознание как наука о естественном человеческом языке в течение длительного времени

занималось изучением искусственного образования — языка письменного (см. Линелл 2009), хотя — и это подчеркивал Соссюр — звуковой (естественный) и письменный (искусственный) языки отнюдь не одно и то же. Конечно же, этому есть объяснение, и лежит оно на поверхности. Дело в том, что любая наука как специфический вид человеческой познавательной деятельности социализирована, так как получаемые и накапливаемые ею результаты есть знания, ценность которых признается и принимается обществом, и которые являются частью общественного адаптивного механизма взаимодействий со средой. Общая же экзистенциальная цель взаимодействий социума со средой есть сохранение и воспроизводство самого себя. А поскольку в жизни современного общества роль письменного языка в этом неизмеримо выше и масштабнее, чем роль языка устного (хотя бы понимание этого и носило чисто интуитивный характер), наука о языке естественным образом сфокусировалась именно на нем. Как подчеркивает Сид Лэм (Lamb 1999: 272), «линейность письменных выражений оказала важное влияние на лингвистическую мысль». Объективно, изобретение письма «способствовало сокрытию живого слова» (Ажеж 2003: 81).

Хотя в традиционном языкознании естественный язык принято рассматривать как знаковый код, самое понятие кода приложимо, да и то с определенной долей условности, лишь к письменному языку как конвенциональной системе графических знаков (букв), репрезентирующих звуки и звукосочетания, свойственные данному конкретному языку (Klavchenko 2007a). Именно обязательный характер санкционированного обществом соответствия конкретной буквы конкретному звуку или звуковому комплексу, набор которых ограничен и конечен, определяет ограниченность и конечность буквенного кода (алфавита). Вместе с тем, системность алфавита, как и системность самого языка, непостоянна, так как, будучи культурной константой, он подвержен изменениям, обусловленным влиянием среды (Будейко 2004). С переходом на более высокий уровень графической репрезентации — уровень слова — понятие кода становится неприменимым в полной мере в силу открытости и неопределенности определяемого им множества, т. е. словарного состава языка. Слово естественного языка — это знак, допускающий множественные интерпретации, которые, в свою

очередь, образуют диффузные множества (значения), и по этой причине слово не может рассматриваться как единица кода в буквальном смысле этого слова. Как подчеркивал Р. А. Будагов (2000: 131), «любой код — это закрытая и ограниченная система, а живой язык — это открытая и подвижная система с огромными внутренними возможностями». Именно поэтому, отмечает Е. И. Ривелис (2009: 306),

[И]нвентаризация значений принципиально неполна и лишена интуитивно удовлетворительной точности. Первое связано с отсутствием естественного предела, до которого можно довести дробление всего сущего, той экстралингвистической реальности, которую якобы объективно отражает «покрывающий» ее язык, второе — с неизоморфностью языковых картин мира.

Если рассматривать букву как знак, указывающий на определенный соответствующий ему звук (денотат), то в рамках некоторого культурно-исторического этапа в развитии общества это соотношение (значение) будет иметь относительно постоянный и однозначный характер. Другими словами, денотат знака-буквы не может быть произвольно изменен, так как это привело бы к нарушению кода и, соответственно, потенциальной неузнаваемости и неинтерпретируемости последовательностей элементов кода (графических слов). Но именно это мы наблюдаем в системе языковых знаков, где нет однозначного и постоянного соответствия между словом и тем, знаком чего оно является. На этом явлении, собственно говоря, и завязана вся проблема языкового значения, ибо «письменный язык — это не транскрибированный устный язык, перед нами совершенно новый языковой феномен, новое явление культуры» (Ажеж 2003: 89). Совершенно очевидно, что, онтологически, письмо — это нечто внешнее по отношению к естественному языку.

Убежденность в том, что знаки письменного языка (графические репрезентации слов) один к одному соответствуют знакам устного языка (акустическим феноменам) продолжает сохраняться в научной среде. Показательным примером является статья С. Харнада (Harnad 2003) «Назад к устной традиции через электронное письмо со скоростью мысли», обсуждавшаяся в рамках интернет-семинара по междисциплинарным исследованиям, про-

водившегося в 2003 г. Институтом Нико при Национальном центре научных исследований Франции. Посвященная электронному письму как новому культурному и коммуникационному феномену и содержащая интересные выводы и наблюдения, статья вызвала возражения со стороны участников семинара в части, касающейся определения сходств и различий между устным и письменным языком. С. Харнад сводит основное различие между ними к скорости передачи мысли в процессе коммуникации, не видя существенной разницы в их репрезентативной (символической) функции. В ходе дискуссии было указано на ошибочность такого взгляда: Д. Спербер предложил изменить название статьи с «Назад к устной традиции...» на «Еще дальше от устной традиции...», Г. Ориджи подчеркнула мысль о том, что различия между письменным и устным языком гораздо глубже, чем просто различия в скорости коммуникации, а А. В. Кравченко указал на их разную онтологическую природу. К сожалению, ответы С. Харнада своим оппонентам вряд ли можно считать удовлетворительными.⁴

Итак, если признать, что письменный язык — это нечто существенным образом отличное от устного языка, обладающее присущими ему и только ему особенностями, обусловленными разными модусами существования; что поступательное развитие человеческих цивилизаций с древних времен и до наших дней в значительной степени было обусловлено возникновением письма и расширением сфер его использования до таких пределов, когда вся современная человеческая культура стала немыслима без и вне текстов; что, наконец, универсальным (доступным вне зависимости от различных культурных переменных, варьирующих от индивида к индивиду) текстовым полем в той или иной культуре, разделяемым большинством образованных членов данного сообщества, является поле так называемых литературных текстов, т. е. текстов, специально порожденных с целью сотворения потенциально бесконечного множества возможных миров как продуктов интерпретации этих текстов (какие бы цели ни преследовала эта интерпретация) — то неизбежно возникает вопрос о соотношении языка

⁴ Архивированные материалы дискуссии размещены на сайте: <http://interdisciplines.org>.

литературного и языка разговорного и о роли и статусе литературного языка в современном обществе.

1.1.2. Литературный язык

Понятие литературного языка интуитивно представляется настолько простым, что вопрос: «Что такое литературный язык?», заданный образованному человеку, скорее всего, покажется ему странным либо наведет на мысль о каком-то кроющемся здесь подвохе, который он не может сразу разглядеть. Действительно, литературный язык — это тот язык, на котором пишется литература. Однако если, как до сих пор считают многие ортодоксальные языковеды, письменный язык как система передачи значений и смыслов тождествен устному языку, имеет ли смысл противопоставлять его языку *нелитературному* (т. е. устному)? С другой стороны, модусом существования устного языка является устная речь, разговор — равнозначны ли в таком случае понятия *устный язык* и *разговорный язык*? И как соотносится *разговорный язык* с *литературным языком*? Наконец, что такое *литература*? Является ли литературой пачка старых писем, найденных на чердаке заброшенного дома и адресованных сельским старостой барыне — владелице деревни? Или сборник текстов песен популярной в определенных кругах группы «Ленинград», даже если их трудно сравнить с произведениями Баркова? Давайте порассуждаем на эту и другие связанные с ней темы — приняв, в качестве исходного условия, что мы не относимся к категории ученых-экспертов в данной области, а просто подвижны здоровым любопытством.

Внутренняя форма слова *литература* (от лат. *littera* «буква алфавита») недвусмысленно указывает на форму и характер существования языка, определяемого прилагательным *литературный*, а именно, *письменность* (Даль 2000), но не письменность как феномен вообще, а *произведения* письменности, имеющие общественное, познавательное значение (Ожегов 1990). Эти произведения могут быть очень разнообразными, поэтому слово *литература* имеет дополнительные значения: а) письменная форма искусства, совокупность художественных произведений (поэзия, проза, драма), б) совокупность произведений какой-нибудь отрасли знания,

по какому-нибудь специальному вопросу (*техническая литература, политическая литература*). Таким образом, *литературный язык* — это обработанная форма общенародного языка, обладающая письменно закрепленными нормами (Там же).

Картина существенно осложняется, если мы обратимся к экспертному мнению ученых, дающих следующее определение литературного языка:

Одна из основных **форм существования языка**; коммуникативная подсистема национального языка, характеризующаяся: а) последовательной кодифицированностью и сознательным культивированием нормы; б) общеобязательностью ее норм для всех говорящих; в) полифункциональностью (литературный язык пригоден для использования в различных коммуникативных сферах, для различных целей и выражения различного содержания; г) высокой социальной престижностью.

По своему культурному и социальному статусу противостоит **диалектному языку** и **просторечию**. *Книжный литературный язык. Разговорный литературный язык.*

• Не следует смешивать понятия «литературный язык» и «язык художественной литературы». С одной стороны, в литературный язык, помимо языка художественной литературы, входят язык публицистики, науки, администрации; кроме того, литературный язык имеет устную форму (разговорный литературный язык). С другой стороны, понятие «язык художественной литературы» шире понятия «литературный язык», поскольку в художественное произведение часто включаются элементы жаргонов, диалектов, просторечия (Васильева и др. 1995: 56-57).

Наконец, в дополнение к приведенным противопоставлениям по линии «язык — речь» и «разговорный — литературный», назовем еще антиномию «устная литературная речь — устная нелитературная речь» (Земская, Шмелев 1984; Шмелев, Земская 1988; Белякова 2004). Таким образом, противопоставление по линии «разговорный (устный) — литературный (письменный)» в литературе представлено следующими парами:

- 1) не основная форма существования / основная форма существования,
- 2) устный язык / литературный (письменный) язык,

- 3) устная речь / литературная (письменная) речь,
- 4) разговорный литературный язык / книжный литературный язык,
- 5) устная литературная речь / устная нелитературная речь,
- 6) литературный язык / язык художественной литературы,
- 7) просторечие / литературный язык.

Даже беглого взгляда на эту систему противопоставлений достаточно, чтобы увидеть явную непоследовательность в том, какие основания берутся для постулирования перечисленных оппозиций. Например, на сегодняшний день продолжают существовать многочисленные бесписьменные языки в так называемых «примитивных» культурах, где устный язык есть единственная форма его существования. Следовательно, определение литературного (письменного) языка как «одной из основных форм его существования» не является универсальным, оно применимо лишь к языкам с развитой письменностью и должно при каждом использовании сопровождаться соответствующей оговоркой. Отметим, что отсутствие письменности в какой-либо культуре не дает нам оснований отказаться от понятия «язык» при описании свойственной этой культуре системы вербальной коммуникации — хотя, по сути, единственное, с чем лингвист-исследователь сталкивается при изучении таких языков на эмпирическом уровне, есть устная форма их существования, или *речь*. Это значит, что возможны, по крайней мере, два способа употребления терминов *язык* и *речь*: один — когда соответствующие понятия эмпирически эквивалентны и просто отражают два разных, хотя и параллельных, способа номинации соответствующего феномена, в которых отражены разные направления концептуализирующей и категоризирующей деятельности человека (в данном случае — ученого-лингвиста); другой — когда эти понятия последовательно разводятся и противопоставляются как отражающие разные теоретические (ментальные) конструкты (в духе Соссюра), различие между которыми проходит по линии «абстрактное — конкретное» или «идеальное — материальное».

Собственно говоря, пары (2) и (3) нужно рассматривать как синонимичные выражения, ибо устный язык — это речь, а устная речь в бесписьменных культурах есть единственная форма существования языка как средства вербальной коммуникации. По этой

же причине выражения *письменный язык* и *письменная речь*, равно как и выражения *разговорный литературный язык* и *устная литературная речь* отсылают к эквивалентным понятиям на уровне эмпирического анализа соответствующих феноменов. Мне уже приходилось указывать на то, что введенное Соссюром противопоставление языка и речи как теоретических конструктов не помогает прояснить сущностных характеристик языка как когнитивного феномена, а потому для целей антропоцентрической лингвистики оно оказывается, по сути, нерелевантным (Kravchenko 2003b; см. также Ломтев 1976) — хотя существует и другое мнение на этот счет (см. Itkonen 2003).

Содержательно, суть остальных пяти из приведенных выше семи противопоставлений, а именно, (2—3) — (7), так или иначе, связана с понятием «литературный язык» и присущими либо приписываемыми литературному (письменному) языку характеристиками, отличающими его от собственно устного (естественного) языка. Остановимся на этих характеристиках подробнее.

Противопоставление устного языка письменному, казалось бы, должно отражать тот очевидный факт, что, с точки зрения так называемой коммуникативной функции языка, они суть два различных феномена, имеющих разную онтологию. Устный (естественный) язык — это всегда *взаимодействие* конкретных индивидов в конкретном месте, это деятельность, протекающая в реальном времени и не оставляющая материальных следов в виде артефактов, над которыми впоследствии можно было бы совершать какие-то манипуляции. Напротив, письменный язык — это, в первую очередь, совокупность артефактов определенного вида (письменных знаков на различного рода материальных носителях), и хотя их возникновению предшествует деятельность (собственно письмо как процесс), несомненно являющаяся языковой, характер этой деятельности коренным образом отличается от естественно-языковой деятельности, так как в ней отсутствует элемент *взаимодействия* между индивидами в конкретном месте в реальном времени. Благодаря этому онтологическому различию семиотические процессы, задействованные в разных видах языковой деятельности (т. е. в устном и письменном языке), различаются принципиальным образом. В частности, процесс интерпретации того, что мы называем языковыми знаками (т. е. приписывание им интерпрета-

тором определенных значимостей), в случае устной речи опирается на всю совокупность факторов, образующих *разделяемый* коммуникантами перцептуально-физический контекст употребления знаков или консенсуальную область взаимодействий (кто сказал, кому, где, когда, что предшествовало непосредственно высказыванию, в каком физическом, психическом, эмоциональном и др. состоянии находились коммуниканты и т. д.). В случае письменной речи приписывание интерпретатором значимостей знакам-артефактам осуществляется не в режиме реального времени взаимодействия коммуникантов, а, как теперь принято говорить, в режиме «офф-лайн», когда отсутствует консенсуальная область взаимодействий первого порядка (взаимодействий «здесь-и-сейчас»). По этой причине у интерпретатора отсутствует доступ к той системе пространственно-временных координат, в которой текст был контекстуализирован его автором при порождении, что, в конечном счете, и ведет к множественности интерпретаций текста, нередко различающихся радикальным образом.

Однако сложившаяся в языкознании практика употребления выражения *устный язык* такова, что каждый раз, говоря об устном языке, имеют в виду систему языковых знаков акустической природы, которые рассматриваются именно как система *знаков*, т. е. сущностей, традиционно противопоставляемых не-знакам, а именно, всему тому, что в ортодоксальной науке относят к области экстралингвистического. Другими словами, все многочисленные переменные физического контекста (среды), в котором осуществляется процесс вербального общения, отбрасываются как нерелевантные на том основании, что значение естественно-языкового знака якобы «закреплено» за «телом» знака, и отношение между формой и содержанием знака считается фиксированным — по крайней мере, при синхронном подходе к языку (следует оговориться, что развитие прагматических исследований за последние 40 лет в какой-то мере компенсировало этот недостаток, хотя и не привело к уходу от порочных принципов традиционной лингвистической семиотики).

Этот глубоко ошибочный взгляд на сущность естественно-языкового знака проистекает из сложившейся в письменных обществах культурной традиции, закрепившейся в языкознании в виде его «письменно-языковой предвзятости» (см. Линелл 2009). Пред-

взятость эта, в частности, ответственна за широко распространенное убеждение, что письменные знаки, якобы, «репрезентируют» устную речь. Полагать, что письменный язык репрезентирует устный (естественный) язык, или что языковые взаимодействия могут быть удовлетворительным образом идеализированы в виде последовательностей письменных знаков — значит заблуждаться, и заблуждаться глубоко. С результатами такого заблуждения, которое через образовательные институты и с одобрения общества, эти институты создавшего, было распространено в массы, мы сталкиваемся в нашей повседневной жизни постоянно (об образовательном парадоксе, вызванном отсутствием адекватной методологии в науках о языке, мы еще поговорим).

Например, если во время долгой деловой беседы мой собеседник, посмотрев на часы и извинившись, уходит, говоря при этом: *Буду через 20 минут*, у меня не возникает проблем относительно того, как построить свое дальнейшее поведение. Я могу провести это время в ожидании, листая деловые бумаги или подвернувшийся популярный журнал, могу отлучиться на 20 минут и выпить чашечку кофе или позвонить коллеге по работе — но в любом случае я знаю, *когда* продолжится наша беседа (при условии, конечно, что мой собеседник — человек вежливый и пунктуальный), и планирую свое поведение соответствующим образом, т. е. с целью употребить эти 20 минут с пользой. Совсем другое дело, когда я, придя в банк и подойдя к единственному открытому окошку оператора, читаю табличку: *Технический перерыв 20 минут*. Здесь я сталкиваюсь с множественными проблемами интерпретационного характера, не позволяющими мне ответить на главный вопрос: когда оператор вернется на свое рабочее место? Соответственно, я не могу оптимальным образом построить свое поведение, что может послужить причиной нарушения эмоционального равновесия со всеми вытекающими из этого последствиями. Увы, очень часто неурядицы, возникающие во взаимодействии членов общества друг с другом в разных сферах общения (на межличностном уровне, в сфере социальных взаимодействий и т. п.) и нередко портящие нам жизнь, на поверку оказываются следствием того, что современные исследователи называют *функциональной неграмотностью* значительной части общества. Более подробно мы поговорим об этом в 10-й главе.